

УДК 342.9 **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

© 2022 **А.В. Палатин**

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье исследуются актуальные вопросы возмещения государством вреда в случае прекращения административного преследования, когда действия уполномоченных должностных лиц формально не противоречили закону, однако впоследствии при рассмотрении дела выясняется, что лицо не может быть привлечено к юридической ответственности.

Ключевые слова: нарушение прав и свобод, реабилитация, привлечение к административной ответственности, возмещение вреда.

Нередки случаи, когда важнейшие права и свободы человека и гражданина нарушаются государственными органами, в результате чего страдает базовый принцип законности в государственном управлении. Такие нарушения имеют значительные негативные последствия как для отдельного гражданина, так и для всего общества в целом, так как многочисленные нарушения прав и свобод приводят к утрате доверия общества к государству и его органам.

Несмотря на то, что основное назначение судебной системы состоит прежде всего в эффективной защите граждан, их объединений и в контроле за деятельностью органов исполнительной власти, статистика положительных решений для «безвластных» категорий лиц (граждан и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность) неутешительна. Обращение в суд с такими исками основано на гражданско-правовом (имущественном) характере правоотношения, а иск о признании недействительным акта органа исполнительной власти (его должностного лица, действующего от имени государства) имеет административно-правовую природу. Этот-то факт и порождает серьезные противоречия¹.

Таким образом, одна из проблем заключается в том, что российская правовая система для возмещения вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами, использует общие положения гражданского законодательства, т.е. происходит подмена публичной обязанности государства гражданско-правовым обязательством.

А.В. Палатин

*Ассистент кафедры административного
и финансового права юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского*

По мнению ученых, причина данной проблемы в особенностях современного правового регулирования, которое основано на убеждении законодателя, что вред, являющийся результатом незаконного действия властвующего субъекта, – исключительно цивилистическая категория. Эта позиция нашла закрепление в нормах Гражданского кодекса РФ². На первый план выдвигается причинение вреда, изолированная оценка которого (вне зависимости от незаконного действия) порождает иллюзию универсальности гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав.

В соответствии с позицией законодателя после причинения государством вреда гражданину

прекращается их публично-правовая связь. Вред, являющийся результатом ненадлежащего правоприменения, возмещается государством в гражданско-правовом порядке, как если бы он проистекал из гражданско-правовых обязательств. Публичная сущность протеста гражданина против власти выхолащивается в связи с ориентацией законодателя на удовлетворение имущественного интереса. Пагубность сложившейся ситуации состоит в том, что конституционно обоснованное притязание гражданина на возмещение вреда, причиненного ему в результате незаконных действий государства, исключает этого гражданина из механизма обеспечения законности и публичного правопорядка³.

Стоит согласиться с И.А. Городиловой и Т.Т. Соколовой⁴, которые отстаивают позицию, что по своей материальной природе право гражданина на законную правоприменительную деятельность государства относится к разряду прав, реализуемых в рамках регулятивных публичных правоотношений. В случае нарушения этого права возникает охранительное правоотношение, субъекты которого не теряют своего публично-правового статуса. Реакция правопорядка состоит в восстановлении законности и, как результат, в заглаживании вредных последствий, причиненных гражданину как носителю субъективного публичного права. Для юридической квалификации рассматриваемых отношений вред не имеет самостоятельного значения, поскольку он неразрывно связан с незаконным деянием. Критикуя гражданско-правовые средства понуждения государства возместить вред, данные ученые пришли к выводу, что не способствует адекватной реализации конституционного публичного права и практика Конституционного Суда РФ.

Так, из Определения Конституционного Суда РФ от 4 июня 2009 г. № 1005-О-О⁵, если проигнорировать непростые вопросы разграничения публичных и частных начал в праве, становится понятной юридическая позиция, в соответствии с которой поддерживается принцип универсальности гражданско-правовых средств защиты нарушенных прав. Суд не подвергает сомнению правильность законодательной установки, в соответствии с которой отношениям, имеющим публично-правовое происхождение, придается исключительно цивилистическая окраска. Положения ст. ст. 1069 и 1070 ГК РФ он рассматривает как исчерпывающие «материальные правовые гарантии защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти и

их должностных лиц, вытекающие из статьи 53 Конституции Российской Федерации».

По мнению И.А. Городиловой и Т.Т. Соколовой, законодательная предпосылка для преодоления цивилистической монополии и формирования надлежащей практики, ориентированной на публично-правовой порядок рассмотрения споров о возмещении вреда, причиненного государством, содержится в п. 3 ст. 2 ГК РФ. В соответствии с ним из-под действия гражданского законодательства выведены имущественные отношения, основанные на административном или ином властном подчинении одной стороны другой. Причем перечень таких отношений не является закрытым. Необходимо также упомянуть, что в случае причинения гражданином вреда государству обязанность по его возмещению рассматривается как публично-правовая. А когда речь идет о вреде, причиненном гражданину в результате незаконной публичной деятельности государства, указанные положения закона не применяются. В связи с этим возникает вопрос о достижении справедливого баланса между интересами государства и личности без абсолютизации индивидуалистических принципов, когда государство причиняет вред как субъект публичного права, а возмещает его с использованием юридических конструкций права частного⁶.

В Российской Федерации обязанность компенсировать причиненный государством в лице его органов вред правам и законным интересам гражданина относится к конституционным принципам российской правовой системы. В частности, статья 53 Конституции РФ гарантирует, что «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц»⁷.

Гражданско-правовые средства понуждения государства возместить вред не могут считаться надлежащей юридической гарантией реализации предусмотренного ст. 53 Конституции РФ публично-правового статуса гражданина. Гражданин, оказавшийся в положении равного органу власти участника гражданского оборота, лишается возможности использовать преимущества публично-правовых механизмов защиты права на законную деятельность государства.

Поскольку в отношениях подобного рода индивид и государство противостоят друг другу как истец и ответчик, то на потерпевшего от незаконной деятельности органов власти возлагаются различные процессуальные обязанности, исполнить которые практически невозможно.

Так, истцу принадлежит активная роль в определении ответчика, сборе и представлении доказательств факта причинения вреда, вины нарушителя. В то же время орган государства, защищенный властными полномочиями, как иммунитетом, фактически занимает доминирующее положение по отношению к гражданину. Если в заявительном производстве в силу особенностей дел, возникающих из публичных отношений, применяются специальные процессуальные средства, восполняющие «слабость» потерпевшего от незаконных действий власти, то исковое производство не гарантирует достижения конституционных целей защиты человека в публичных правоотношениях. В заявительном производстве активная процессуальная роль суда и введение отдельных ограничений при реализации принципа диспозитивности обусловлены необходимостью обеспечения судебного контроля за соблюдением законности органами государства. Если вред не оценивается с учетом публичности его происхождения, то он приобретает гражданско-правовое значение. Таким образом, в рамках процессуальной конструкции спора о праве становится очевидной уязвимость позиции потерпевшего гражданина.

В начале процесса предьявитель иска сталкивается с трудностями при определении ответчика. Поскольку данный вопрос законодатель не регламентирует, ведущая роль в его решении отводится юридическим средствам правоприменительного происхождения. В соответствии с правилами ст. ст. 16, 1069 и 1070 ГК РФ вред подлежит возмещению за счет казны. Исходя из материально-правовых предписаний ст. 1070 ГК РФ, в силу которых от имени казны выступают финансовые органы, Верховный Суд РФ пояснил, что «при предьявлении исков к государству о возмещении вреда от имени казны РФ в качестве ответчика выступает Министерство финансов РФ»⁸.

Согласно указаниям Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, если иск предьявлен гражданином или юридическим лицом непосредственно к государственному органу либо органу местного самоуправления, допустившему нарушение его прав, то суд привлекает в качестве ответчика по делу соответствующий финансовый или иной управомоченный орган⁹. К органам государства или муниципальным образованиям, причинившим вред, требования о его возмещении предьявляться не могут. Складывается парадоксальная ситуация: финансовый орган выступает в качестве ответчика, а причинитель вреда может быть только формально включен в процесс в ка-

честве третьего лица без самостоятельных требований. Тем самым носитель публичной власти, допустивший незаконные действия, наделяется своего рода судебным иммунитетом.

Кроме того, гражданский процесс в данном случае связан с выяснением обстоятельств незаконности действий причинителя вреда, бремя доказывания которой также ложится на истца.

Системное толкование норм, содержащихся в ст. ст. 1069 и 1070 ГК РФ, выявляет положения, нарушающие конституционный принцип юридического равенства граждан (ст. 19 Конституции РФ). В силу п. 1 ст. 1070 ГК РФ приоритет признается за лицами, пострадавшими от незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. В этом случае вред возмещается в полном объеме, независимо от вины органа власти. В процессе разбирательства по делу данной категории истец освобождается от обязанности доказывания вины причинителя вреда. Репрессивный характер незаконной деятельности соответствующих органов побудил законодателя опосредованно учесть публично-правовую природу данных отношений между гражданином и государством. В иных ситуациях необходимым условием возмещения вреда является доказанность вины¹⁰.

Еще один дискуссионный вопрос в этой сфере, на который судебная практика не может ответить однозначно, можно сформулировать следующим образом: подлежат ли возмещению убытки, причиненные производством по делу об административном правонарушении, которое впоследствии прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения?

По мнению С.С. Купреева¹¹, вопрос о правовой ответственности государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях может возникать в двух основных случаях:

1) когда действия уполномоченных должностных лиц были явно незаконными либо совершались ими с превышением должностных полномочий;

2) когда действия уполномоченных должностных лиц формально не противоречили закону, однако впоследствии при рассмотрении дела выясняется, что лицо не может быть привлечено к юридической ответственности.

Первый случай достаточно четко урегулирован в законодательстве.

Юридикто-фактическим основанием возникновения обязательств государства по компенсации вреда в порядке ст. ст. 13, 16, 1069 ГК РФ

выступает юридический состав, включающий в себя два факта:

1) правонарушение как противоправное вредоносное деяние причинителя вреда, связанное с реализацией им публичной власти (незаконный акт публичной власти);

2) решение суда о возложении обязанности по компенсации вреда на указанное в законе лицо.

Нельзя сказать того же в отношении второго случая, когда действия уполномоченных должностных лиц формально не противоречили закону, однако впоследствии при рассмотрении дела выясняется, что лицо не может быть привлечено к юридической ответственности. Подобная ситуация не является редкостью. Зачастую к лицу применяются довольно жесткие меры процессуального обеспечения (например, административное задержание), впоследствии же оказывается, что отсутствует состав административного правонарушения либо имеются другие основания, не позволяющие осуществлять производство по делу.

Несмотря на простоту и распространенность ситуации, когда возбуждается административное дело, применяются обеспечительные меры или меры пресечения, а впоследствии государственным органам не удается доказать состав правонарушения, российское право пока не может уверенно сказать, подлежат ли возмещению убытки в таких случаях и если да, то какие и при каких условиях¹².

В основном суды склоняются к тому, что само по себе прекращение дела в связи с отсутствием состава правонарушения не является достаточным основанием для признания административного преследования незаконным и возмещения убытков. Для возмещения вреда требуется установить заведомую (виновную) незаконность, которая может проявляться или в изначально безосновательном возбуждении дела, или в иных побочных нарушениях.

По мнению ученых¹³, в судебной практике преобладает позиция, что сама по себе ошибка должностного лица на стадии возбуждения дела не является достаточным основанием для признания его действий незаконными и виновными, поскольку он мог добросовестно заблуждаться в виновности лица (т.е. отсутствует вина) и мог правомерно возбудить дело об административном правонарушении, а затем его правомерно прекратить (т.е. отсутствует противоправность). Это неудивительно, поскольку Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16.06.2009 № 9-П¹⁴ впервые четко выразил позицию о «пра-

вомерном возбуждении и правомерном прекращении дела» и последовательно ее придерживается. Конституционный Суд указал, что «само по себе то обстоятельство, что задержанное лицо не было впоследствии привлечено к административной ответственности и не предстало перед судом, не обязательно означает, что задержание было незаконным. Факты и сведения, которые дают основания для применения задержания как предварительной меры принуждения с целью обеспечения производства по делу об административном правонарушении, могут оказаться впоследствии недостаточными для принятия решения об административной ответственности. Требования, обуславливающие правомерность задержания, не предполагают, что компетентное должностное лицо уже в момент задержания должно иметь доказательства, достаточные для разрешения дела по существу».

Этой же позиции придерживался и Высший Арбитражный Суд РФ. В п. 8 Информационного письма ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 разъяснено, что «само по себе то обстоятельство, что лицо впоследствии не было привлечено к ответственности, не означает, что применение мер пресечения являлось незаконным; законодательство РФ не предусматривает в таких случаях компенсацию вреда, причиненного правомерными действиями, в связи с чем в требовании о возмещении вреда, причиненного законным проведением производства по делу об административном правонарушении, следует отказать»¹⁵.

В практике СКГД ВС РФ также усматривается аналогичный подход. Например, в Определении от 15.01.2019 № 2-КГ18-12¹⁶ Верховный Суд отказал в возмещении убытков в соответствии со ст. 15, 16, 1069, 1070 ГК РФ и указал, что «действия сотрудников органов внутренних дел в процессе производства по делу об административном правонарушении в отношении истца в установленном порядке незаконными не признаны, а прекращение производства по делу об административном правонарушении само по себе не свидетельствует о незаконности действий государственного органа или должностного лица».

В другом деле Верховный Суд также отказал в возмещении убытков и даже расходов на оплату труда представителя, ссылаясь на отсутствие вины и противоправности в действиях уполномоченного органа (Определение СКГД ВС РФ от 20.08.2019 № 19-КГ19-12¹⁷).

СКЭС ВС РФ в целом придерживается того же подхода, но иногда встречается и противопо-

ложная позиция. Так, в Определении от 19.11.2015 № 305-ЭС15-8490¹⁸ коллегия указала: «Производство по делу об административном правонарушении прекращено... за отсутствием состава административного правонарушения, что свидетельствует о составлении протокола об административном правонарушении без законных оснований».

Таким образом, можно констатировать, что в судебной практике преобладает подход, в соответствии с которым само по себе прекращение дела об административном правонарушении не является достаточным основанием для признания административного принуждения незаконным и для возмещения вреда.

Идея о том, что незаконность как основание возмещения вреда может следовать из нарушений не только должностных лиц, которые непосредственно принимали соответствующие решения, но и других лиц, впервые наиболее четко была выражена в Определении КС РФ от 02.07.2013 № 1049-О¹⁹. В этом деле лицо было ошибочно задержано из-за недостоверных сведений государственной информационной системы. Суды отказали в возмещении вреда, руководствуясь устоявшимся подходом, но Конституционный Суд обратил внимание на то, что «суды должны оценивать законность действий не только того должностного лица, которое непосредственно осуществило административное задержание, но и других должностных лиц, действия или бездействие которых обусловили применение данной принудительной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении».

А.О. Рыбалов, поддерживая данную позицию КС РФ, отмечает, что субъектом отношений по возмещению вреда является не инспектор ГИБДД, составивший протокол об административном нарушении, а государство, и поэтому необходимо комплексно оценивать все действия любых лиц, выступающих от имени государства и вовлеченных в процесс административного принуждения²⁰.

Верховный Суд в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 по делу № А40-238974/2016²¹ также высказался о том, что необходимо принимать во внимание нарушения любых должностных лиц, вовлеченных в процесс административного принуждения. В данном деле ВС РФ оценивает незаконность исходя не из формальных нарушений правовых норм, выраженных в статьях, их пунктах или частях, а из принципов разумности, соразмерности и достаточности.

Верховный Суд подчеркивает, что законность административного принуждения не исчерпывается соблюдением процедурных норм процессуальных кодексов, а оценивается полноценно с точки зрения соблюдения принципов права. Стоит заметить, что Верховный Суд не опровергает доводы нижестоящих судов о том, что само по себе прекращение дела в связи с отсутствием состава правонарушения не свидетельствует о незаконности, а указывает, что незаконность проявлялась не в ошибочном возбуждении дела, а в иных нарушениях должностных лиц, в частности в длительном непроведении контрольного взвешивания.

Эта позиция придает основному подходу судебной практики несколько иное значение: Верховный Суд отмечает, что даже когда изначально обеспечительные меры были приняты законно, последующие ошибки и нарушения должностных лиц могут превратить их в незаконные. И факт прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения при наличии иных нарушений уже учитывается для оценки незаконности.

По мнению ученых, еще больше обостряет актуальность этой темы Постановление КС РФ от 15.07.2020 № 36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона “О полиции” в связи с жалобами граждан Р.А. Логинова и Р.Н. Шарафутдинова»²² (далее также – Постановление КС РФ № 36-П), где Конституционный Суд также реагирует на неадекватность сложившейся практики по отказу в возмещении любых убытков, даже расходов на оплату труда адвоката, со ссылкой на то, что само по себе прекращение дела в связи с отсутствием состава правонарушения не свидетельствует о незаконности административного преследования²³.

Конституционный Суд в Постановлении от 15.07.2020 № 36-П²⁴ делает едва заметную попытку обоснования административной вины в делах Логинова и Шарафутдинова, подчеркивая в п. 3.2, что именно государство, а не государственные органы и должностные лица, является субъектом упомянутых отношений. Из этого можно сделать вывод, что и основания ответственности должны определяться не по конкретному должностному лицу или органу, а по взаи-

мосвязанным действиям представителей государства, которые привели к ошибочному административному преследованию. Так, в деле Логинова были установлены нарушения при проведении медицинского освидетельствования, а в деле Шарафутдинова – нарушения при проведении взвешивания автомобиля.

Отрадно, что Конституционный Суд распространил безвиновную ответственность не только на случаи, прямо указанные в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, но и на иные меры принуждения, ограничивающие свободу и личную неприкосновенность граждан: это административное задержание (Постановление № 9-П), привод, доставление (Определение от 17.01.2012 № 149-О-О).

Проблема остается в том, что согласно ст. 1070 ГК РФ возмещению подлежит вред, причиненный «незаконными» мерами принуждения «независимо от вины». И суды, в том числе Конституционный Суд, почему-то делают акцент на слове «незаконный», а не на словосочетании «независимо от вины», что создает условия для применения устоявшегося подхода даже к случаям, подпадающим под регулирование п. 1 ст. 1070 ГК РФ.

Вместе с тем исторический анализ этой нормы позволяет сделать вывод, что слова «независимо от вины» в п. 1 ст. 1070 ГК РФ олицетворяют реабилитацию, т.е. возмещение вреда невиновным лицам, ошибочно привлеченным к следствию и суду.

Распространение ст. 1070 ГК РФ на административные меры пресечения, такие как задержание, привод, доставление, означает распространение на них режима реабилитации: т.е. само по себе прекращение дела в связи с отсутствием состава правонарушения должно быть основанием возмещения вреда. А слово «незаконный» в этой норме должно толковаться не как незаконность действий уполномоченных лиц в соответствии с устоявшимся подходом, а как ошибочный результат их деятельности.

Поэтому даже если признавать основной подход судебной практики к незаконности обоснованным, необходимо сделать вывод, что он не может применяться к случаям, на которые распространяется п. 1 ст. 1070 ГК РФ и в которых вред должен возмещаться на основании самого по себе факта прекращения дела в связи с отсутствием состава правонарушения. Иное толкование, которое преобладает сейчас на практике, лишает всякого смысла распространение этой нормы на административные меры, принимаемые должностными лицами, так как при нали-

чий обычной незаконности вред может быть возмещен и на основании ст. 1069 ГК РФ.

Право не впервые сталкивается с проблемой установления вины и иных оснований возмещения вреда в случаях, когда правоохранительные органы или суд, добросовестно заблуждаясь в виновности подозреваемого, ошибочно привлекают его к ответственности. Рассмотренная ст. 1070 ГК РФ и гл. 18 УПК РФ о реабилитации как раз являются реакцией на эту неопределенность.

К примеру, в уголовном судопроизводстве подобный вопрос в определенной степени урегулирован в законодательстве. Согласно положениям гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ²⁵, регуливающей вопросы реабилитации, право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, возникает в случае вынесения оправдательного приговора, если государственный обвинитель отказывается от обвинения, если отсутствует событие преступления, в деянии отсутствует состав преступления, а также в некоторых иных случаях (ст. ст. 133, 24 и 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Право на возмещение вреда имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Таким образом, законом четко установлено, что в рамках уголовного процесса государство несет ответственность за произведенные уполномоченными должностными лицами процессуальные действия в отношении физических лиц, причем независимо от того, были они законными или нет. Необходимость возмещения лицу причиненного вреда возникает не только в результате незаконных действий, но и действий, произведенных в рамках закона, если впоследствии не удастся доказать, к примеру, наличие события преступления, состава преступления в деянии или же дело прекращается по инициативе обвинения либо выносится оправдательный приговор.

В итоге получается, что в отношении уголовного процесса законодатель применяет один подход, а в отношении производства по делам

об административных правонарушениях – совершенно другой.

Сказанное свидетельствует о том, что использование исковой формы по делам о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями государства, несостоятельно. Институт возмещения вреда, причиненного гражданину в результате незаконных действий государства, – это одна из конституционных гарантий обеспечения законности деятельности органов власти. Его цивилистическая трактовка законодателем необоснованна, так как не учитывает публично-правового характера отношений между гражданином и государством. В соответствии с глубинным смыслом конституционных положений для возмещения вреда целесообразно использовать средства административного юрисдикционного процесса с целью улучшения правового положения пострадавших от незаконных действий органов государственной власти или их должностных лиц²⁶.

По мнению А.А. Маркеловой²⁷, само по себе гражданское право вряд ли может обеспечить полноценную систему возмещения вреда, причиненного в административной сфере, и учесть всю специфику применимых норм. В этом контексте более удачным выглядит решение уголовного права и процесса – установление основания и порядка реабилитации непосредственно в отраслевом процессуальном кодексе, где конкретизирована и упрощена процедура возмещения вреда, причиненного ошибочным применением мер принуждения.

В итоге можно констатировать, что вопросы правовой ответственности государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях урегулированы российским законодательством неоднозначно. В случае когда действия уполномоченных должностных лиц были явно незаконными либо совершались ими с превышением должностных полномочий, закон достаточно четко регулирует вопросы ответственности государства и порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц. Однако в случае когда действия уполномоченных должностных лиц формально не противоречат закону, но при этом в условиях реальной обстановки являются явно необоснованными и нецелесообразными, и впоследствии при рассмотрении дела выясняется, что лицо не может быть привлечено к административной ответственности за отсутствием, к примеру, события правонарушения, вопрос о правовой ответственности государства практически совсем не решен. Стоит надеяться, что в дальнейшем законодатель уделит данному вопросу больше внимания.

Библиографический список

1. Городилова И.А., Соколова Т.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину государством: институт публичного права или частноправовая монополия? [Текст] / И.А. Городилова, Т.Т. Соколова // Российский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 115–122.
2. Маркелова А.А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 в контексте Постановления КС РФ от 15.07.2020 № 36-П [Текст] / А.А. Маркелова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 2. – С. 5–33.
3. Рыбалов А.О. Еще раз об ответственности государства и его органов. Комментарий к Определению Конституционного Суда РФ [Текст] / А.О. Рыбалов // Закон. – 2013. – № 12. – С. 106–108.
4. Сухарева Н.В. Возмещение убытков или вреда в споре с властью [Текст] / Н.В. Сухарева // Право и экономика. – 2001. – № 11.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Ведомости Федерального Собрания РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2009 г. № 1005-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Уния” на нарушение конституционных прав и свобод статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1049-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бородин Евгений Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 и абзацем третьим статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 27.1, частью 1 статьи 27.3 и частью 3 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 2.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 4.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 5.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 9.
12. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 3-й квартал 2008 г., утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ

от 5 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 04.04.2022).

13. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 8.

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-КГ18-12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2019 № 19-КГ19-12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 по делу № А40-238974/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.11.2015 по делу № 305-ЭС15-8490, № А40-97280/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ Сухарева Н.В. Возмещение убытков или вреда в споре с властью // Право и экономика. 2011. № 11.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Городилова И.А., Соколова Т.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину государством: институт публичного права или частноправовая монополия? // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 115–122.

⁴ Там же.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2009 г. № 1005-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Уния” на нарушение конституционных прав и свобод статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Городилова И.А., Соколова Т.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину государством: институт публичного права или частноправовая монополия? // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 115–122.

⁷ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 04.04.2022).

⁸ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 3-й квартал 2008 г., утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 04.04.2022).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.

¹⁰ Городилова И.А., Соколова Т.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину государством: институт публичного права или частноправовая монополия? // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 115–122.

¹¹ Купреев С.С. Правовая ответственность государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 70–75.

¹² Маркелова А.А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 в контексте Постановления КС РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 5–33.

¹³ Там же.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4.

¹⁵ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 8.

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-КГ18-12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2019 № 19-КГ19-12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.11.2015 по делу № 305-ЭС15-8490, № А40-97280/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1049-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бородина Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 и абзацем третьим статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 27.1, частью 1 статьи 27.3 и частью 3 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

²⁰ Рыбалов А.О. Еще раз об ответственности государства и его органов. Комментарий к Определению Конституционного Суда РФ // Закон. 2013. № 12. С. 106–108.

²¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 по делу № А40-238974/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

²³ Маркелова А.А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 в контексте Постановления КС РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 5–33.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

²⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Ведомости Федерального Собрания РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

²⁶ Городилова И.А., Соколова Т.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину государством: институт публичного права или частноправовая монополия? // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 115–122.

²⁷ Маркелова А.А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 в контексте Постановления КС РФ от 15.07.2020 № 36-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 5–33.

**TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION
OF STATE RESPONSIBILITY IN THE APPLICATION
OF MEASURES TO ENSURE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES**

A.V. Palatin

*Assistant of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty
of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

The article examines topical issues of compensation by the state for harm in the event of termination of administrative prosecution, when the actions of authorized officials did not formally contradict the law, but later, when considering the case, it turns out that the person cannot be brought to legal responsibility.

Keywords: violation of rights and freedoms, rehabilitation, involvement in administrative responsibility, compensation for damage.